

УДК 340.15

DOI 10.25688/2076-9113.2019.34.2.06

А.И. Смирнов

Христианизация права в Византийской империи (на примере Эклоги)

В статье описывается отражение процесса постепенной христианизации византийского законодательства в памятнике византийского права — Эклоге. Автор проводит разносторонний анализ данного документа, отмечая виды рассмотренных в нем правовых отношений, предписанную им систему наказаний, его связь с социально-экономическим строем, а также указывая на дополнявшие его и заменившие его правовые документы.

Ключевые слова: византийское право; византийская правовая культура; правопреемство; рецепция; Эклога.

Христианизация византийского права является сложной проблемой, имеющей достаточно внушительную историю исследования на предмет времени рецепции христианской этической нормы, ее содержания, влияния на данный процесс конкретных экономических формаций и т. д. [11, с. 151].

Современная юридическая наука защищает гипотезу о существовании ряда аксиоматических предпосылок касательно христианизации римского права:

- 1) подход к византийскому праву как к христианской рецепции права римского;
- 2) содержательное отличие первых памятников христианского права от современных правовых источников в силу культурных, исторических, экономических и других обстоятельств;
- 3) существенное различие средневековых памятников христианского права и их более поздних аналогов эпохи Возрождения и Просвещения [1, с. 2–3].

Интерес к этим вопросам вполне естественен, особенно если учесть, что именно христианство, а точнее, положение христианства в Византийской империи, определило основные различия между римским и византийским правом, находящимися в отношениях правопреемства, поскольку византийское право унаследовало множество норм права римского.

Нормы христианской морали, заметно превосходившие по своей этической наполненности нормы морали языческой, античной, обязывали законодателей, и в первую очередь императоров, подстраивать под данные нормы существующее законодательство. Названный процесс, нередко сильно растянутый по времени, зачастую встречал различные препятствия. Забегая вперед, укажем, что в рассматриваемом кратком своде византийского права — Эклоге — существовали специфические законы, посвященные рабству, т. е., несмотря на силу

христианской Церкви, полной отмены рабства, оформленной законодательно, не произошло. Во многом это было обусловлено феодальными производственными отношениями, характерными для того периода времени. Фактически если некая христианизация происходила, то происходила она в рамках двух основных тенденций — медленной и постепенной гуманизации правовых и выраженных в них этических норм и сохранения традиционного общества в рамках этих правовых норм [2, с. 48]. Однако в Эклоге в целом отражены нормы христианской морали, и она приближается к идеалу законодательства христианского государства.

Мы постараемся раскрыть процессы, которые были характерны для этих двух обозначенных тенденций, на примере конкретного памятника византийского права — Эклоги.

Эклога (*греч.* *εκλογή* — выбор; *лат.* *Ecloga Basilicorum*) представляла собой краткий свод (фактически тезисные выдержки) законов из кодификации и актов императора Юстиниана (*Corpus juris civilis*) и всех последующих византийских императоров. Основным источником Эклоги служили четыре части свода Юстиниана — своеобразная опора документа: Институции, Кодекс, Дигесты, Новеллы (собственно от всей кодификации Юстиниана осталось не так уж и много — всего 18 титулов). Сложно определить время издания Эклоги как единого документа, хотя имеются неоспоримые свидетельства того, что она упоминается многими византийскими авторами или встречается в рецитации — обрывками и небольшими фрагментами. Так, одна из афинских рукописей содержит упоминание, что Эклога издана в марте IX индиктиона 6234 года, т. е. в 726 году н. э. Таким образом, Эклога была первым официальным законодательным сборником после грандиозной работы императора Юстиниана [10, с. 59].

Исследователи вопроса пишут, что потребность в составлении нового свода законов была обусловлена реформой судебной системы, проводимой на основе изменившейся судебной практики. Любопытно, что Эклога была составлена и издана во времена правления императора Льва Исаврийского — известного иконоборца. Однако иконоборческий элемент в Эклоге присутствует лишь во вводной части: «Иконоборческая фразеология Эклоги нашла свое отражение лишь в ее вводной части, где говорилось о необходимости руководствоваться “истинной справедливостью”, а не высказывать “на словах восхищение” ею и даже предписывалось “на деле” отдавать предпочтение малоимущим и бедным» [6].

Эклога состоит из восемнадцати глав, которые посвящены по преимуществу гражданскому праву (т. е. вопросам аренды, займа и кредита, завещаний, брака и развода, наследования, купли-продажи и т. д.). Значительная часть Эклоги посвящена обязательственному праву, т. е. регулированию отношений между должником и кредитором, нормам выполнения подряда, оказания услуг и пр. [5, с. 55]. В данном документе имеется также уголовно-процессуальная часть (разбор наказаний за преступления, 16-й титул). Как пишут исследователи византийского права, это был один из наиболее детализированных и пространных титулов: «Под влиянием углубляющихся социальных противоречий в уголовное право было внесено много новых положений, отразивших

усиление государственной репрессии. Не случайно именно данный титул Эклоги получил наибольшую известность и неизменно использовался в последующих законодательных сводах Византии» [6].

Так, в 16-м титуле весьма подробно разбирались наказания за преступления против государства — дезертирство, государственную измену, фальшивомонетничество. «Особо была выделена статья, где говорилось о лицах, поднимающих восстание против императора или же участвующих в «заговоре против него или против государства христиан». Такие лица рассматривались как намеревающиеся “все разрушить”, а поэтому их “в тот же час должно предать смерти”» [18].

Влияние христианского вероучения и христианской морали на составление Эклоги отразилось и в 16-м титуле. Так, много внимания было уделено преступлениям против христианства. Наказания полагались для дающих ложную клятву на «Божественных евангелиях», поднимающих руку на священника во время молитвы, отрекшихся в плену от «непорочной христианской веры», колдунов и знахарей, изготовителей амулетов, а также адептов языческих или еретических движений (манихеев, монтанистов и пр.) [18].

Также Эклогой вводились категории преднамеренного и непредумышленного убийства и нанесения тяжких телесных повреждений. Так, «если кто-либо бил своего раба плетьюми или палками и раб умер, то не осуждается господин его как убийца». Ответственность хозяина возникала только в случае преднамеренного убийства раба («неумеренно его истязал, или отравил его ядом, или его сжег») [18].

Несмотря на то что в Эклоге также перечисляются наказания за имущественные преступления — кражи, подлоги, разграбления могил, грабеж, все же большая часть свода посвящена преступлениям против государства и Церкви, и в первую очередь «посягающим на установленный государством и освященный церковью строй семейных и нравственных отношений. Среди них выделяются: кровосмешение, изнасилование, прелюбодеяние, вступление в связь с монахиней, крестницей, девушкой, скотоложство, вытравление плода и т. д.» [18].

Как пишут исследователи вопроса, более жестокой была и сама система наказаний, даже в сравнении с классическим римским правом и кодификациями Юстиниана. За большое количество преступлений полагалась смертная казнь. Также, что немаловажно для Эклоги как для яркого примера христианского законодательства, характерным было использование членовредительских наказаний. В классическом римском праве они могли применяться только лишь к рабам, Эклога же распространяла их и на свободных людей. Среди таких наказаний назывались «отрезание носа, вырывание языка, отсечение руки, ослепление, оскотление и т. п. Были известны позорящие наказания (например, острижение бороды и волос)» [6]. В качестве примера можно привести 28-ю статью 17-го титула: «Тот, кто знает о прелюбодеянии своей жены и допускает это, да будет высечен и изгнан. Лица, совершившие прелюбодеяние, как он, так и она, подвергнутся отрезанию носа» [18]. На фоне этих наказаний конфискация имущества, предусматриваемая той же Эклогой, не кажется столь суровым наказанием.

Суровость представленных наказаний, по мнению исследователей, имела своим источником обычное народное право, предполагавшее отнятие той части тела, при помощи которой человек преступил закон [21, Σ. 106]. Но, несмотря на это, считается, что именно с Эклоги начинается смягчение законодательства, в том числе в области уголовного права. Поскольку членовредительство по большей части заменяло собой смертную казнь, то оно вполне могло вписываться в интенцию Эклоги как документа, содержащего «исправления в духе большего человеколюбия».

Более того, в тех случаях, когда смертная казнь сохранялась, исследователи отмечают тенденцию к отказу от особенно жестоких способов казни (например, сожжения) [19, Σ. 105].

Если же вновь обратиться к наказаниям с помощью увечья, то интересно отметить исследования, подробно рассматривающие тему увечий, применявшихся на высшем государственном уровне. Целью нанесения увечий зачастую было не допустить возвращения свергнутого императора или потенциального претендента на престол. Однако обесчещенные императоры порой все-таки возвращались на престол [20, р. 124], и, следовательно, тщетность членовредительства, показывающего узкоутилитарное мышление заказчиков наказания, доказана исторически. Хотя нельзя сказать и о неуспешности этого метода, поскольку подобное возвращение происходило довольно редко.

Эти факты свидетельствуют о наличии в Византии превентивной функции наказания, которая в совокупности с функцией искупления вины, по мнению проф. Трояноса, впервые недвусмысленно зафиксирована именно в законодательстве Эклоги [22, Σ. 106]. Более того, попытки восстановления в пенитенциарной системе прежнего места смертной казни, предпринимавшиеся позднее [19], были неудачными, что свидетельствует о своего рода переломе правового сознания Византии в сторону филантропии, как бы странно это ни звучало в контексте рассмотрения членовредительских наказаний.

Суровость того или иного наказания зависела также от статуса лица, которое совершило преступление: «Так, по ст. 22 для сановных лиц за связь с чужой рабыней полагался крупный штраф. За это же преступление “простой человек” подлежал не только штрафу, но и сечению плетьюми» [6]. Другим характерным примером является наказание за половую связь с девушкой без ведома ее родителей: для лиц «состоятельных», лиц «среднего благосостояния» и лиц «бедных и неимущих» назначались разные наказания. Так, первая категория должна была выплатить девушке компенсацию, размер которой зависел от их положения; лица «среднего достатка» могли получить или аналогичный первой категории штраф, или же порку плетьюми; лица последней категории не только подвергались порке, но и принудительно высылались из города, подвергались острижению волос и бороды [9, с. 67].

В свете данных фактов неудивительным является влияние социального статуса и имущественного ценза на свидетельство в суде. Так, в 14-м титуле «указывается, что “свидетели, имеющие звание, или должность, или занятие (или благосостояние),

наперед считаются приемлемыми”. Что же касается “свидетелей неизвестных”, т. е. лиц низшего социального положения, то они, если данные ими показания оспаривались в суде, подвергались допросу под плетью» [9, с. 67].

По мнению отечественного византиниста В.Г. Васильевского, Эклога была первым законодательным актом государственного уровня, закрепившим брачные христианские нормы в праве [3, с. 233]. В частности, вопросам христианского брака посвящены 1–7-й титулы (главы). Так, в Эклоге вводится неизвестное ранее византийскому и римскому праву обручение (с 7 лет) [4, с. 20]. Для обручения требовалось согласие (как правило, формальное) и самих обручающихся, и их родителей: «Брачный возраст был установлен в 15 лет для мужчин и 13 — для женщин. Под воздействием христианской церкви было сокращено число законных поводов к разводу» [16, с. 17]. Женщина, согласно христианской морали, занимала подчиненное место в семье, но, в отличие от классического римского права, Эклога отразила тенденцию к выравниванию имущественного режима мужа и жены. Приданое и брачный дар, полученный женою, рассматривались не как собственность мужа, а как имущество, данное ему в управление. При наследовании по завещанию устанавливалась обязательная доля детей (не менее 1/3 части наследства), определялись семь разрядов наследников, к которым последовательно переходило имущество умершего при отсутствии завещания [6].

Титулы с 9-го по 13-й Эклоги посвящены договорному и обязательственному праву. В них рассматривается ограниченное число видов сделок — лишь купля-продажа, заем, вклад (и безвозмездное хранение), товарищество [7, с. 44]. Так, в частности, в договор купли-продажи (составленный как в устной, так и в письменной форме) был включен задаток (это была норма и традиция более раннего греческого законодательства) [7, с. 44]. В договоре займа (как пишут исследователи, в виде «уступки церковным догматам») была убрана часть, посвященная процентам, и потому не вполне ясным остается вопрос о том, брался ли процент за предоставление кредита или нет (надо помнить, что римское право процент по кредиту подразумевало) [7, с. 46]. Также в Эклоге рассматривалась долгосрочная аренда земли: «Кратко говорилось о таком важном институте, как наем, включавшем и аренду земли, которая могла предусматриваться на срок, не превышающий 29 лет» [6]. Исследователи вопроса пишут, что сдача в аренду частных земель не была широко распространена, однако в противоположность ей широко была представлена аренда государственных, императорских, церковных земель, что в принципе не удивительно, так как именно три эти «институции», т. е. государство как юридическое лицо, христианская Церковь как доминирующая религиозная организация и лично император владели подавляющим большинством земель в империи. Взнос платы за аренду являлся ежегодным [15, с. 88].

«Широкую разработку в Эклоге получил и другой типичный для развивающегося феодализма институт — эмфитевзис. Последний устанавливался как вечная или как ограниченная аренда «на срок до трех поколений, наследующих друг за другом по завещанию или без завещания». Лицо (эмфитевт), получившее эмфитевзис, как правило землю, обязано было уплачивать собственнику

«без уверток» ежегодный взнос, а также заботиться о «сохранении и улучшении недвижимости». Если эффитевт в течение трех лет не вносил обусловленную плату, то мог быть лишен предоставленной ему недвижимости» [6].

Эклога в той или иной степени содержала предписания о рабстве (титл № 8). В данном вопросе византийское право не слишком далеко ушло от античных времен, хотя характер рабства несколько изменился. В частности, предусматривалось превращение рабов в свободных людей (отпуск в церкви), а также случаи превращения в обратную сторону — свободных людей в рабов (например, дезертиры могли стать рабами) [6]. Впрочем, вопрос рабства никогда не стоял для христианства остро и не был принципиален, ярким примером чему служит послание апостола Павла к Филимону, где святой апостол не борется с рабством в духе позднего европейского аболиционизма, а просто смягчает отношения хозяина и раба с помощью братской христианской любви. В средневековом праве это приобретало совершенно иные черты и де-факто легализовывало рабство, а также какие-либо формы экономического принуждения [17].

Эклога представляет собой яркий пример христианского права — многие правовые положения обосновываются не через традицию, устоявшиеся правовые нормы или же обычаи, а через ссылки на места из Священного Писания и речения Святых Отцов. Например, «в самом подзаголовке к Эклоге указывалось, что она представляет собой сокращение и исправление «в духе большего человеколюбия» законодательства “великого Юстиниана”» [6].

Несмотря на то что Эклога являлась важным (если не центральным) законодательным сводом Византии VIII века, она тем не менее была весьма краткой, в связи с чем дополнялась в судебном процессе некоторыми другими, более частными законодательными сводами. В частности, в Эклоге отсутствовало рассмотрение таких вопросов, как способ приобретения и потеря права собственности и т. д. Это вынуждало судопроизводство обращаться к более ранним кодификациям Юстиниана, которые расширяли юридическую базу Эклоги, но привносили в нее свои комментарии [9, с. 21].

Также Эклога дополнялась (в ряде вопросов) Земледельческим, Морским и Военным кодексами. Так, первый из них регулировал отношения в сельских общинах. Этот кодекс насчитывал 85 статей и существовал в двух редакциях — ранней и поздней. Первоначально он не имел внутренней структуры и по факту состоял из перечисления тех или иных обычаев, носящих силу закона. Земледельческий кодекс регулярно редактировался и уже к XIV веку был систематизирован так, что он состоял из 103 статей, объединенных в 10 титулов. В нем большое внимание уделялось соблюдению внешних границ смежных земельных участков, а также оговаривался размер налогов на землю, обмен землей и общие правила землепользования [12, с. 104].

Другое важное приложение к Эклоге — Морской кодекс, который также был известен как Родосский морской закон. В нем излагались унаследованные с античных времен правовые обычаи, касающиеся морской торговли. В Морском кодексе содержались указания по судовождению, перевозке грузов,

фрахтованию судов, выбрасыванию груза в случае опасности и т. д. Многие нормы этого сборника действовали вплоть до XV века [12, с. 105].

Дальнейшая судьба Эклоги была незавидна. Последующие императоры-иконопочитатели или полностью изменили ее содержание, или же предложили вместо нее иные нормативно-правовые документы. Так, «отменив Эклогу, составленную его политическими противниками (иконоборцами), Василий I предписал вновь переработать Свод законов Юстиниана, исключить из него устаревшие положения, разъяснить трудные юридические термины и перевести их на греческий язык. Результатом законодательных работ было издание в 879 году Прохирона, который в последующие века был одним из наиболее авторитетных источников права Византии и оставил заметный след в истории права соседних славянских государств» [6], как, впрочем, и Эклога, множество выдержек из которой может быть найдено в виде переводов в первых Кормчих книгах, а также в Мериле Праведном [10, с. 22].

Прохирон, по сравнению с Эклогой, представлял собой более полный сборник (фактически Прохирон был расширенной Эклогой: он включал еще 17 глав и состоял из 35 титулов против 18 титулов Эклоги) [14, с. 25]. Также в вводном слове в Прохироне Эклога обозначается как «извращенный» закон, а не как «избранный», что указывает на отрицательное отношение к Эклоге императоров-иконопочитателей. Прохирон просуществовал не слишком долго в статусе основного нормативно-правового акта и был заменен другим документом: «Вскоре после составления Прохирона (между 884 и 886 гг.) от имени императора Василия I и его сыновей-соправителей было издано новое руководство по праву, которое также имело целью «очищение старых законов» и облегчение пользования правом, изложенным в кодификации Юстиниана. Это руководство получило название Эпанагога (т. е. переработанное повторение). По своей структуре она следовала за Дигестами Юстиниана, воспроизводила многие положения Прохирона, а также Эклоги» [6].

Византийское право выступало преемником классического римского права, однако с той разницей, что, помимо всего прочего, византийское право впитало в себя нормы христианской морали. Также особенностью византийского права стала его мотивированность социально-экономической формацией своего времени — феодализмом. Многие законы, с которыми мы сталкиваемся в Эклоге, могут быть в полной мере вписаны в рамки феодализма.

Рассмотренная нами Эклога представляет собой краткий свод законов, на характерные особенности которого повлияло в первую очередь время его формирования. Если кодификации Юстиниана носят античный, римский, во многом еще языческий характер, то Эклога — это уже сугубо византийское и в высшей степени христианское законодательство. Несмотря на то что она была составлена императорами-иконоборцами, она ни в коем случае не являлась еретической. Наиболее полно христианская нравственная составляющая проявилась в 16-м и 17-м титуле Эклоги.

Эклога не была идеальным законодательством, вследствие чего в некоторых случаях она дополнялась иными законодательными кодексами своей эпохи,

например Земледельческим или Морским. Просуществовала Эклога недолго и была заменена более совершенной нормативно-правовой формой, которую создавали уже во времена императоров-иконопочитателей, — Прохиономом, а затем Эпаногой.

Таким образом, начиная именно с Эклоги, в Византии происходит постепенное смягчение законодательства, которое продолжается в более позднем памятнике права — в Василиках. В этом прослеживается явное влияние «филантропии», обязанной своим существованием христианизации права. Выразилось данное влияние в, пожалуй, самом важном достижении христианской идеи в светском государственном законодательстве — в частичном моратории на смертную казнь [21, р. 53], наложенном несколько позднее и ярко контрастирующим с правом и обычаем Рима. Смертная казнь, по мнению известного церковного деятеля св. Феодора Студита и канониста XII в. Феодора Вальсамона, лишает человека права на исправление и потому сама по себе является убийством государства, что уже противоречит самой идее системы наказаний. В Византии же обоснование системы наказаний склонялось именно к идее превентивной их функции. Человеколюбие выражалось также в тенденции позднего византийского законодательства к отмене пыток.

Христианизация Византийского законодательства в Эклоге и в последующих памятниках правотворчества оказала влияние и на русское право [13, с. 44], хоть это влияние стало значительным далеко не сразу после образования Руси как государства. При этом многие жестокие нормы, зафиксированные в византийском праве, в результате описанных выше тенденций уже были устаревшими для византийской практики того времени. Однако Руси было неизвестно об этой гуманизации права, представленной в комментариях византийских юристов к сводам законов и юридической практике Византии в целом, что и обусловило жестокость пенитенциарной системы нашей страны в XVII в. [18, с. 119–120].

Литература

1. *Батиев Л.В.* Эволюция правопонимания от античности до нового времени (тезисы к истории философии права) // *Право и современные государства.* 2014. № 2. С. 1–6.
2. *Батиев Л.В.* О соотношении права и морали в античной и раннесредневековой философии // *Новая правовая мысль.* 2009. № 2 (33). С. 46–50.
3. *Васильевский В.Г.* Законодательство иконоборцев // *Труды В.Г. Васильевского.* М., 1930. Т. 4. С. 18–188.
4. *Величко А.М.* Идея права в Византии // *Северо-Кавказский юридический вестник.* 2011. № 1. С. 15–24.
5. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М.: Юрид. лит-ра, 1975. 880 с.
6. *Крашенинникова Н.А., Жидкова О.А.* История государства и права зарубежных стран. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1998. 480 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/istrp/24.php (дата обращения: 10.02.2019).
7. *Липшиц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л.: Наука, 1976. 230 с.
8. *Медведев И.П.* Развитие правовой науки // *Культура Византии.* 2-я пол. VII–XII в. М., 1989. С. 216–240.

9. *Медведев И.П.* Византийское право на заключительном этапе своего развития // Культура Византии XIII – первая половина XV века. М., 1991. С. 298–312.
10. *Милов Л.В.* Византийская Эклога и Правда Ярослава (К рецепции византийского права на Руси) // ГΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина: сб. ст. М., 1999. С. 129–142.
11. *Мяжков Г.П.* Рецепция античности — социальный конструкт? // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 150–154.
12. *Острогорский Г.А.* История Византийского государства / пер. с нем. М.В. Грацианский; ред. П.В. Кузенков. М.: Сибирская Благовонница, 2011. 914 с.
13. *Пашенцев Д.А.* Влияние рецепции на генезис правовой системы России // История государства и права. 2009. № 7. С. 42–45.
14. *Пашенцев Д.А.* Развитие системы источников права в Российской империи. М.: МГПУ, 2013. 56 с.
15. *Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Госюриздат, 1956. 131 с.
16. *Соколов И.И.* Печалование патриархов перед василевсами в Византии IX–XV вв. Патриарший суд над убийцами в Византии в XXV вв. О поводах к разводу в Византии IX–XV вв. СПб.: URSS, 2005. 320 с.
17. *Точеный С.* В поисках утраченной свободы // Научный богословский портал «Богослов.ру». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1299847.html> (дата обращения: 10.02.2019).
18. *Щанов Я.Н.* Византийское и южно-славянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 291 с.
19. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века // Портал юридического факультета МГУ. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm> (дата обращения: 10.02.2019).
20. *Ius graeco-romanum* / ed. I. Zepos, P. Zepos. Aalen, 1962. V. 6. P. 355–356.
21. *Ostrogorski G.A.* History of the Byzantine State. New Brunswick, 1957. 543 p.
22. *Troianos S.N.* Bemerkungen zum Strafrecht der Ecloga // Αφιέρωμα στὸν Νίκο Σβώρωνο. Ρεθύμνο, 1986. Τ. 1. S. 97–112.

Literatura

1. *Batiev L.V.* E'voljuciya pravoponimaniya ot antichnosti do novogo vremeni (tezisy' k istorii filosofii prava) // Pravo i sovremenny'e gosudarstva. 2014. № 2. S. 1–6.
2. *Batiev L.V.* O sootnoshenii prava i morali v antichnoj i rannesrednevekovoj filosofii // Novaya pravovaya my'sl'. 2009. № 2 (33). S. 46–50.
3. *Vasil'evskij V.G.* Zakonodatel'stvo ikonoborcev // Trudy' V.G. Vasil'evskogo. M., 1930. T. 4. S. 18–188.
4. *Velichko A.M.* Ideya prava v Vizantii // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. 2011. № 1. S. 15–24.
5. *Ioffe O.S.* Obyazatel'stvennoe pravo. M.: Yurid. lit-ra, 1975. 880 s.
6. *Krashennnikova N.A., Zhidkova O.A.* Istoriya gosudarstva i prava zarubezhny'x stran. M.: Norma – Infra-M, 1998. 480 s. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/istrp/24.php (data obrashheniya: 10.02.2019).
7. *Lipshicz E.E'.* Pravo i sud v Vizantii v IV–VIII vv. L.: Nauka, 1976. 230 s.
8. *Medvedev I.P.* Razvitie pravovoj nauki // Kul'tura Vizantii. 2-ya pol. VII–XII v. M., 1989. S. 216–240.

9. *Medvedev I.P.* Vizantijskoe pravo na zaklyuchitel'nom e'tape svoego razvitiya // Kul'tura Vizantii XIII – pervaya polovina XV veka. M., 1991. S. 298–312.
10. *Milov L.V.* Vizantijskaya E'kloga i Pravda Yaroslava (K recepcii vizantijskogo prava na Rusi) // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-letiyu akademika G.G. Litavrina: sb. st. M., 1999. S. 129–142.
11. *Myagkov G.P.* Recepciya antichnosti — social'ny'j konstrukt? // Vestnik e'konomiki, prava i sociologii. 2017. № 1. S. 150–154.
12. *Ostrogorskij G.A.* Istoriya Vizantijskogo gosudarstva / per. s nem. M.V. Gracianskij; red. P.V. Kuzenkov. M.: Sibirskaya Blagozvonnicza, 2011. 914 s.
13. *Pashencev D.A.* Vliyanie recepcii na genesis pravovoj sistemy' Rossii // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 7. S. 42–45.
14. *Pashencev D.A.* Razvitie sistemy' istochnikov prava v Rossijskoj imperii. M.: MGPU, 2013. 56 s.
15. *Pereterskij I.S.* Digesty' Yustiniana. Oчерki po istorii sostavlениya i obshhaya karakteristika. M.: Gosyurizdat, 1956. 131 s.
16. *Sokolov I.I.* Pechalovanie patriarxov pered vasilevsami v Vizantii IX–XV vv. Patriarshij sud nad ubijczami v Vizantii v XXV vv. O povodax k razvodu v Vizantii IX–XV vv. SPb.: URSS, 2005. 320 s.
17. *Tocheny'j S.* V poiskax utrachennoj svobody' // Nauchny'j bogoslovskij portal «Bogoslov.ru». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1299847.html> (data obrashheniya: 10.02.2019).
18. *Shhapov Ya.N.* Vizantijskoe i yuzhno-slavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. M.: Nauka, 1978. 291 s.
19. E'kloga. Vizantijskij zakonodatel'ny'j svod VIII veka // Portal juridicheskogo fakul'teta MGU. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/ecloga.htm> (data obrashheniya: 10.02.2019).
20. *Ius graeco-romanum* / ed. I. Zepos, P. Zepos. Aalen, 1962. V. 6. P. 355–356.
21. *Ostrogorski G.A.* History of the Byzantine State. New Brunswick, 1957. 543 p.
22. *Troianos S.N.* Bemerkungen zum Strafrecht der Ecloga // Αφιέρωμα στὸν Νίκο Σβόρωνο. Ρεθύμνο, 1986. Τ. 1. S. 97–112.

A.I. Smirnov

Christianization of Law in the Byzantine Empire (on the Example of Eclogue)

The article describes the reflection of the process of gradual Christianization of Byzantine legislation in such monument of Byzantine law as Eclogue. The author makes a comprehensive analysis of this document noting the types of legal relations considered in it, the system of punishments prescribed by it, its connection with the social and economic system and also pointing to the legal documents that supplement it and replace it.

Keywords: Byzantine law; Byzantine legal culture; succession; reception; Eclogue.